

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕРИОРИЗОВАННОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются пространственно-временные характеристики интериоризованного дискурса, который в нашем понимании представляет собой модель мыслительных процессов, происходящих в голове героя, создаваемую автором произведения.

Ключевые слова: интериоризованный дискурс, художественное произведение, хронотоп, пространственно-временное моделирование, когнитивное пространство, саморефлексия, поток сознания.

Интериоризованный дискурс в нашем понимании представляет собой модель мыслительных процессов, происходящих в голове героя, создаваемую автором произведения. Интериоризованный дискурс имеет форму прямой и несобственно-прямой речи.

В интериоризованном дискурсе автор моделирует пространственно-временные характеристики, которые, как правило, бывают более разнообразными по сравнению с пространственно-временными характеристиками самого произведения. Это объясняется способностью человеческого мышления легко перемещаться в «иные миры», где может наблюдаться очень сложное переплетение и наложение хронотопов, что, в свою очередь, связано со способностью человека переходить в различные, в том числе и измененные, состояния сознания.

В.В. Красных считает, что существуют определенным образом структурированные когнитивные пространства. «Индивидуальное когнитивное пространство – определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий.

Коллективное когнитивное пространство – определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум.

Когнитивная база – определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [7, 61].

«Когнитивные пространства и когнитивная база формируются когнитивными структурами, которые представляют собой некоторую содержательную форму кодирования и хранения информации. Это элементарные единицы, неделимые и нечленимые. Информация, хранимая в когнитивных структурах – сведения (знания и представления), не только о реальном окружающем мире, но и знания языка и о языке» [7, 64].

На наш взгляд, к данным определениям можно добавить, что такие когнитивные структуры содержат знания и представления не только о реальном окружающем мире, но и знания и представления человека о себе и об ирреальных мирах, например, сновидные миры, загробный мир, вымышленные миры и др.

В.А. Петровский говорит о пространствах существования личности – жизнь, культура, другой человек, я сам [9].

В интериоризованном дискурсе представлены все эти виды пространств, но наиболее ярко представлено пространство «я сам», так как «Я» является базовым концептом интериоризованного дискурса. Пространство интериоризованного дискурса можно назвать эгоцентрическим пространством, которое можно представить в виде замкнутого круга, в центре которого находится сущность «Я» и от которого радиально происходит движение информации о субъекте во внешний мир и наоборот, движение информации от внешнего мира к «Я». Таким образом, пространство интериоризованного дискурса очень субъективно, так как центром его является «Я». Можно говорить о существовании в интериоризованном дискурсе самопознающего пространства, или пространства саморефлексии.

Кроме того, пространство интериоризованного дискурса имеет глубинное измерение, соотносимое с глубиной интериоризации дискурса, то есть здесь можно наблюдать не только движение в привычной нам трехмерной системе координат, но и движение вглубь интериоризации, где можно проследить, на какой глубине сознания или подсознания находится та или иная система координат.

В интериоризованном дискурсе также обязательно представлено пространство культуры. Художественное пространство текста является «строительной площадкой для автора, моделирующего мир своих идей и героев» [2, 34].

Автор произведения в интериоризованном дискурсе, моделируя «поток сознания» героя, строит новый мир, который «должен был интегрировать искусство и жизнь, преобразить их в некую инобытийность» [4, 90]. Интериоризованный дискурс можно назвать в полной мере «иновидением», «инописьмом» [4, 106]. В интериоризованном дискурсе автор показывает персонаж изнутри, не со своей позиции, а с позиции самого героя. Естественно такой способ изображения персонажа непросто, автор должен встать на место героя, проникнуться его духом, посмотреть на него с иной точки зрения так, как будто бы автор сам был этим персонажем. Для создания такого способа изображения автор пользуется рядом знаковых систем. В интериоризованном дискурсе «и фонетический, и графический, и нумерологический коды оказываются взаимозависимыми и взаимообратимыми элементами общего семантического поля» [4, 123].

При анализе интериоризованного дискурса следует учитывать все аспекты пространственно-временного моделирования художественного произведения.

«Подход к категориям пространства и времени с позиций структурно-семантического направления как к многоаспектным явлениям позволяет дать комплексное, системное их описание, выявить закономерности их функционирования в художественном тексте» [1, 52].

Время в интериоризованном дискурсе, конечно, неоднородно, сжимаемо и расширяемо, относительно и условно. Здесь можно наблюдать сгущение и уплотнение времени. Время имеет складки и прорывы, ямы, как и пространство. В интериоризованном дискурсе время об-

ратимо, оно имеет фигурное строение. Оно субъективно.

Одна и та же личность может быть представлена разнообразными формами, смотря в каком плане пространственно-временного бытия она находится.

А. Маслоу, известный американский психолог, попытался измерить, каким-то образом оценить степень самоактуализации человека. Под самоактуализацией он понимал желание человека стать тем, кем он может стать, то есть достичь вершины своего потенциала.

А. Маслоу, наряду с другими шкалами (шкала направленности на себя/ на других) и субшкалами (субшкала экзистенциальности, самопритяжения, притяжения агрессии и др.), выделяет шкалу, которую называет «компетентность во времени». Она измеряет то, в какой степени человек живет в настоящем, а не концентрируется на прошлом и будущем. Люди, компетентные во времени, могут размышлять о том, как прошлое относится к настоящему и реалистично связывать долгосрочные планы с текущими задачами. У них есть чувство непрерывности этих трех аспектов времени. И наоборот, люди, некомпетентные во времени, отделяют свое прошлое и будущее от настоящего. Их жизнь в настоящем основана на сожалениях и чувстве обиды, связанных с прошлым, и идеализированных целях или страхах, связанных с будущим. Самоактуализирующиеся люди компетентны во времени [11].

Интересным в теории Дж. Келли выступает предположение, что люди ориентированы на будущее, а не на прошлое и настоящее в своей жизни. Точка зрения человека на жизнь переходящая, она редко бывает сегодня такой же, какой была вчера и будет завтра. Люди обладают способностью активно формировать представление о своем окружении, а не просто пассивно на него реагировать. Согласно Дж. Келли, человек не контролируется настоящими или прошлыми событиями, а сам контролирует события путем осмысления реального мира опыта. Именно построение личностных конструктов и постоянное их соотнесение с реальным опытом позволяет человеку быть творцом своей собственной судьбы [11].

Анализ интериоризованного дискурса также показал, что он может быть ориентирован на прошлое, настоящее и будущее. Для раскры-

тия образа персонажа также важно, на какие временные события он ориентирован.

Важной особенностью интериоризованного дискурса является то, что пространство и время тесно переплетены. Субъект дан в движении – движении разноплановом. Подтверждением движения образа субъекта может являться концепция апреку (*argēs – soupr*), о которой говорит Россохин, ее суть сводится к тому, что настоящее не лежит между прошлым и будущим, настоящее может влиять на прошлое. С человеком происходит некоторое событие, которое оставляет определенные метки на его психике, потом другое событие происходит и оно придает новый смысл первому событию. Человек возвращается в прошлое, придавая ему новый смысл [10].

А.Ф. Лосев характеризует пространство, которое изображают футуристы и отчасти экспрессионисты как пространство, которое хочет быть и временем одновременно, как четырехмерное гиперпространство новейшего естествознания. В этом пространстве выражается движение, это пространство «сновидческое». Вещи этого пространства представляются свободными от условий и границ привычного нам трехмерного пространства и могут свободно сопоставляться друг с другом. Это пространство можно охарактеризовать как пространство не восприятия, а представления. Это креативное пространство [8].

В интериоризованном дискурсе наблюдается креативное нарушение пространственно-временных связей и вообще других связей. Таким образом создается определенный хаос, но этот хаос более высокой степени организации, чем первоначальный хаос. Этот хаос не полный, а частичный. Какие-то связи в нем сохраняются и несут в себе сильную символическую нагрузку. Богатые примеры двойного, тройного символизма содержатся в сказках и сновидениях, которые являются примерами мифического оформления явлений обыденной жизни. Хаос интериоризованного дискурса – это символический творческий хаос.

В приведенном ниже отрывке представлен сон главной героини Надежды. Узнав, что ее любимый мужчина Егор собирается жениться на другой женщине, Надежда, не вполне понимая, что она делает под влиянием сильных эмоций, едет в деревню к деду Егора, не-

сознанно ища у него поддержки. Впечатления от реальной поездки (мальчик на лодке перевозит героиню и тетку с корзинами через реку Мсту, расположенную недалеко от Петербурга, дед Егора вместе со своей собакой встречает Надежду, поит ее чаем с травами и укладывает спать) преобразовываются в мозгу женщины в состоянии сна в причудливые картины, в которых происходит смешение различных хронотопов. Реальный хронотоп – современные окрестности Петербурга, где протекает река Мста, переплетается в сознании героини с мифическим хронотопом царства мертвых, где находятся реки Ахеронт (река скорби) и Лета (река забвения): «*Они смешивали в походном котелке воду Ахеронта, Леты и Мсты...*» [5].

Здесь также представлены символические образы – река как граница между светом и потусторонним миром, туман как символ неизвестности, «серой зоны» между реальностью и ирреальностью [6].

Десятилетний мальчик предстает в образе Харона, старца, перевозящего души умерших через реку Ахеронт (откуда нет возврата), который требует плату в виде жизни сына главной героини.

Общую картину загробного царства дополняет образ собаки.

В мифологии собаку часто связывали с богами подземного Царства Мертвых: египетским Анубисом, индуистским Ямой, греческими Аидом и Гекатой и т.д. В загробном мире собака исполняла либо роль проводника душ умерших, либо охраняла ворота ада [12].

«Я сбросила грязный плащ, сапоги и, как была в новой юбке и толстом джемпере, так и улеглась на дедов топчан. Он набросил на меня какую-то шубейку, и я, измученная дорогой и самыми мрачными размышлениями, почти мгновенно уснула. Снился мне все тот же, клубящийся холодным туманом. Я просила десятилетнего мальчишку на лодке отвезти меня обратно в Петербург, но он требовал с меня непомерную плату в виде Димкиной жизни и залиvisto смеялся, когда я в ужасе бежала от него на берег. А на берегу веселились все та же тетка с корзинами и Иван Игнатич. Они смешивали в походном котелке воду Ахеронта, Леты и Мсты с какими-то снадобьями из теткинских корзин, кипятили ее на костре, а потом пили это зелье и пре-

вращались в собак, таких же серо-голубых, как туман, клубящийся над рекой. «Вот откуда взялся дедов пес!» – поняла я и проснулась с головной болью и, как мне показалось, нечеловечески усталой» [5, 275].

В приведенном отрывке также можно видеть пример того, как пространство может становиться временем. В древнегреческой мифологии Лета – река забвения (забвение ассоциируется со временем). Кроме того, символ реки – символ постоянного изменения. «В символическом плане река – это та вода, которая действует не статически, как море, но благодаря своему течению и разливам определяет динамику и постоянную временную периодизацию событий» [6].

В приведенном выше отрывке автор показывает, насколько глубоко главная героиня переживает скорую женитьбу Егора на другой женщине. Она воспринимает потерю любви как конец своей жизни. Поэтому в сознании Надежды возникают мифологические образы загробного мира.

В интериоризованном дискурсе прослеживается релятивистское понимание хронотопа. Здесь мы можем наблюдать тот факт, что хронотоп тоже интериоризован. Часто имеется хронотопическая точка кризиса, перелома.

В приведенном ниже отрывке главный герой романа «Давай попробуем вместе» Валера, попав в трудную жизненную ситуацию в одном из современных российских провинциальных городов, мысленно переносится в свое прошлое, когда он вынужден был служить в «горячих точках». Также в этом отрывке обозначен еще один хронотоп – Россия в тридцать седьмом году, где имплицитно заложен смысл «Сталинские репрессии». Эмоциональные переживания героя постепенно накапливаются, и в какой-то момент в его сознании происходит мгновенное переключение хронотопа.

«Не знаю, сколько проходит времени. Секунды склеиваются в бесконечность, и мне кажется, будто маленькие стрелки моих отдельно взятых часов уже повернули вспять и, окончательно свихнувшись, пошли вразрез со своим центральным циферблатом. Я говорю, что я не идит и сейчас не тридцать седьмой...

И я вдруг снова вижу заросли камыша и чужую жирную землю под щекой... Я ощущаю ее тошнотворный приторный вкус... И слышу речь,

из которой не разбираю ни слова, но шестым чувством, инстинктом травленого зверя понимаю: это может кончиться скверно...

И вдруг появляется Малик. Он присаживается на корточки возле меня и говорит, не разжимая губ:

– Ну что, снова попался, солдат?

– Вытащи меня отсюда, – прошу я.

Он качает головой печально и сердито:

– Это уже не в моей власти.

– Тогда просто побудь рядом.

– Тебе страшно?

– Да, мне страшно.

– Как тогда?

– Пожалуй...

– Но ведь ты среди своих.

Он хочет что-то сказать, но другой, чужеродный голос вклинивается в нашу беседу:

– Вот он.

Я открываю глаза и вижу одного из амбалов, позади Кирилла» [3, 362–363].

Автор вводит в произведение различные хронотопы, чтобы показать внутреннее состояние главного героя. Молодой человек разочарован жестокостью современной «мирной» жизни. На войне Валере жизнь спас сын одного из врагов Малик. В родном городе, оказавшись захваченным вооруженным конвоем, Валера мысленно просит помощи у своего теперь уже друга Малика.

В приведенном отрывке также четко представлено пространство – «свой – чужой», которое влетает в хронотопы современного провинциального города, войны на Кавказе и Сталинских репрессий. В результате взаимодействия этих систем в голове героя рождается смысл – «свои» могут быть врагами, а «чужие» могут быть друзьями.

В приведенном выше примере можно наблюдать реализацию концепции «апреку» – осмысливание прошлых событий с позиции настоящего. Главный герой, живя в современном провинциальном городе, заново осмысливает прошлые события своей жизни – военные действия на Кавказе.

Хронотоп интериоризованного дискурса представляет собой очень сложное образование, так как в нем переплетены хронотопы реальной жизни (персонаж показан в реальной жизни и в общении с другими людьми), хронотопы саморефлексии (иные, вымышленные миры,

куда путешествует сознание героя), хронотоп художественного произведения (автор вносит элементы своего пространственно-временного видения той или иной ситуации).

Взаимодействие хронотопов интериоризованного дискурса способно рождать новые смыслы, которые следует учитывать при анализе художественного произведения.

17.09.2011

Список литературы:

1. Аюшева, С.Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева) // Филологические науки. – 2011. – №1. – С. 43–45.
2. Богатова, С.М. Пространство, управляющее временем (опыт когнитивной интерпретации хронотопа) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – №2. – С. 34–39.
3. Гайворонская, Е.М. Давай попробуем вместе: роман. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 413 с.
4. Гирин, Ю.Н. Системообразующие концепты культуры авангарда // Авангард в культуре XX века (1900 – 1930 гг.). Теория. История. Поэтика: в 2 кн. [под ред. Ю.Н. Гирина]. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – Кн. 1. – С. 77–156.
5. Демидова, С. Мужчина-подарок: роман. – М.: Эксмо, 2006. – 320 с.
6. Книга символов // [Электронный ресурс] URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=481> (дата обращения 20.08.2011).
7. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
8. Лосев, А. Диалектика мифа. – М.: Академ. Проект, 2008. – 303 с.
9. Петровский, В.А. Человек над ситуацией. – М.: Смысл, 2010.
10. Россохин, А.В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания. Интерсознание в психоанализе. – М.: «Когитоцентр», 2010.
11. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 608 с.
12. Энциклопедия знаков и символов // [Электронный ресурс] URL: <http://www.znaki.chebnet.com/s10.php?id=699> (дата обращения 10.08.2011)

Сведения об авторе: **Погребняк Юлия Владимировна**, доцент кафедры русского языка как иностранного Волгоградского государственного педагогического университета, докторант, кандидат филологических наук, доцент
400000, г. Волгоград, пр-т им. Ленина, 27, (8442) 302977, mail: kaf.rki@rambler.ru

UDC 82

Pogrebnyak Y.V.

Volgograd state of socio-pedagogical university; e-mail: pyuma@yandex.ru

SPATIO-TEMPORAL MODELING INTERNALIZED DISCOURSE

The article deals with spatial and temporal characteristics of the internalized discourse, which in our view is a model of mental processes occurring in the mind of the hero created by author.

Key words: internalized discourse, art, chronotope, spatio-temporal modeling, cognitive space, self-reflection, a stream of consciousness.

Bibliography:

1. Ajusheva, S.B. Category of space and time in a language art picture of the world (on a material of prose of I.S.Turgenev) // Philological sciences. – 2011. – №1. – P. 43–45.
2. Bogatova, S.M. Space operating time (experience of cognitive interpretations of chronotope) // The bulletin of the Voronezh state university. Series «Linguistics and intercultural communication». – 2010. – №2. – P. 34–39.
3. Gajvoronskaya, E.M. Let's try together. – M.: Joint-Stock Company Tsentrpoligraph, 2006.
4. Girin, Ju.N. System-forming concepts of culture of avant-guard // Avant-guard in culture of the XX-th century (1900 – 1930). Theory. History. Poetics: in 2 books. [Under the editorship of Ju.N.Girin]. – M.: IMLI the Russian Academy of Sciences, 2010. – Book 1. – P. 77–156.
5. Demidova, S. A man-present. – M.: Eksmo, 2006.
6. The book of symbols // [the Electronic resource] URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=481> (date of the reference 20.08.2011).
7. Krasnyh, V.V. «Self» among «strangers»: myth or reality? – M.: ITD GK «Gnozis», 2003.
8. Losev, A. Dialectics of a myth. – M.: Academ. Project, 2008.
9. Petrovsky, V.A. A person over a situation. – M.: Sense, 2010.
10. Rossohin, A.V. Reflection and internal dialogue in altered states of mind. Interconsciousness in psychoanalysis. M.: «Cogitocenter», 2010.
11. Hjellem L. A., Ziegler D. J Personality theories. – 3-dedition – СПб.: Peter, 2003.
12. The encyclopedia of signs and symbols // [the Electronic resource] URL: <http://www.znaki.chebnet.com/s10.php?id=699> (date of the reference 10.08.2011).